

Глава 8. Готовим рыбу

На троих они наскребли едва ли ведро улова. Ведро, правда, было внушительным, и в нём плескалось восемь штук. Е Мянью выудил всего две, в то время как его спутники поймали по три. Очевидно, рыбалка была не его коньком.

И это они ещё уверяли, будто клюёт отлично. Е Мянью видел, как какой-то мужик обычным бреднем вытащил из реки пять штук, а другие рыбаки весело таскали одну за другой — у некоторых в садках плескалось уже больше десятка крупных рыб.

Он невольно почувствовал укол зависти. В следующий раз, решил он, лучше прийти после дождя и просто пройти сеть.

Вернув арендованные удочки смотрителю, парни засобирались домой. С неба снова хлынуло, а у Е Мянью с собой был только один зонт. Да и тот куцый — под ним едва могли уместиться двое, и то пришлось бы тесниться. О том, чтобы укрыться втроем, не шло и речи.

Старик-смотритель, словно предвидя это, окинул взглядом берег пруда и выудил из-под навеса объёмистый баул. Распахнув его, он явил миру веер пёстрых дешёвых зонтов и зычно закричал на весь берег:

— Зонты! Кому зонты? Всего по десять юаней штука!

Сун Сяошу поставил на землю тяжёлое пластиковое ведро и принялся преувеличенно тщательно хлопать себя по карманам. Обыскав себя с ног до головы, он жалобно уставился на Е Мянью:

— Брат Мянью, у меня ни копейки наличных. Не одолжишь десятку?

Е Мянью достал из кармана двадцатку, а затем открыл на телефоне приложение Alipay с кодом для перевода.

— С вас двоих — по двадцать юаней. Скинете на Alipay.

Чэн Лян недоуменно ткнул себя пальцем в грудь:

— А я-то с какого перепугу должен платить двадцать?

Тем временем Сяошу уже расторопно перевёл деньги и с восторгом раскрыл новенький зонт. Тот оказался полуавтоматом — парень впервые держал в руках такую роскошь, ведь до этого ему доставались лишь дешёвые складные погремушки.

— Десять за аренду удочки, десять за зонт, — отрезал Е Мянью, буравя Чэн Ляна взглядом, который ясно говорил: «Даже не думай соскочить».

Чэн Лян вдруг порывисто наклонился и выдернул зонт прямо из рук Е Мянью. Тот даже охнуть не успел от такой наглости.

Раскрыв купол, украшенный дурацкими мультяшными медвежатами, Чэн Лян по-братски сгрёб Е Мянью за плечо:

— Слышь, давай сойдёмся на десятке? Сэкономь мне немного. Зонт-то у тебя всё равно есть, дойдём вдвоём.

Е Мянью покосился на тяжёлую руку на своём плече, но скидывать её почему-то не стал. Вместо этого он кивнул в сторону довольного Сяошу:

— У него тоже есть зонт. Иди к нему под крыло. Терпеть не могу тесниться с кем-то. — Тем более обниматься у всех на виду.

— У него зонтик куцый, — фыркнул Чэн Лян. Глупо было ожидать чего-то путного от копеечной вещи.

Е Мянью уткнулся в экран своего смартфона, лихорадочно листая меню, и ткнул наглого приятеля локтем под рёбра:

— Переводи давай.

Чэн Лян перехватил зонт той рукой, что лежала на плече Е Мянью, так и не выпустив того из полуобъятий. Свободной рукой он выудил из кармана собственный телефон, пощёлкал кнопками и продемонстрировал чёрный экран:

— Сдох. И что теперь делать?

Повисло недолгое молчание.

— Ну тогда жри дерьмо, — безжалостно бросил Е Мянью.

— Ну уж нет, — покачал головой Чэн Лян. — Я предпочитаю рыбу.

— Сяошу! — позвал Е Мянью.

— Я тут!

Е Мянью указал на ведро:

— Забирай свои три штуки и катись на все четыре стороны. Готовь как хочешь. Возьми вон тот пакет на земле, ополосни в озере и складывай улов.

Не успел Сяошу шевельнуться, как Чэн Лян наступил на этот злосчастный пакет, с силой вжав его в хлипкую грязь. При этом он окончательно извазюкал собственные кроссовки и штанины в жиже.

Когда он отдернул ногу, грязный мысок его кроссовка мазнул по чистым брюкам Е Мянью, оставив на ткани жирный след.

— Твою мать, Чэн Лян, ты что творишь?! Специально, что ли?! — взвился Е Мянью. Он рванул зонт обратно, с силой толкнул наглеца в грудь и зашагал прочь. Отойдя на несколько метров, он обернулся и щедро закрепил уход средним пальцем: — Дебил! Жри грязь в своём болоте!

Оставшись без прикрытия, Чэн Лян мгновенно вымок. Белая футболка потяжелела и облепила тело, некогда взъерошенные волосы жалкими сосульками повисли на лбу, а обувь и штаны покрылись слоем скользкой жижи. Одинокaя фигура парня посреди разбушевавшейся стихии выглядела неприкаянно и как-то зловеще. Он тупо уставился себе под ноги: новенькие белые кроссовки глубоко увязли в раскисшей земле.

«Будь это болото, я бы уже утонул», — лениво подумал он. Впрочем, смерть наступила бы не сразу. Сначала пришлось бы знатно наглотаться грязи.

Тяжёлые капли больно колотили по плечам. Этот стук отзывался в теле чётче любого будильника — у того ведь только звук, а у дождя была осязаемая, ледяная плоть. Не больно, но чертовски холодно.

— Эй, придурок, ты там увяз?!

Внезапно ледяной душ прекратился. Холод отступил, а над головой со свистом развернулся купол. Чэн Лян поднял глаза и наткнулся на сердитый взгляд Е Мянью.

Голос у этого парня всегда был резким и раздражённым, но сейчас в нём проскальзывали какие-то на удивление мягкие нотки. Странно. Ведь Е Мянью никогда не отличался кротостью — обычный угрюмый подросток с вечно недовольной миной.

Чэн Лян вдруг негромко рассмеялся — так тихо, что звук его голоса почти потонул в шуме ливня.

— Иду я, иду. Кто же откажется от рыбы?

Ливень расходился вовсю. Пруд подернулся плотной сизой дымкой, тропинки покрылись глубокими лужами. На берегу не осталось ни души, даже рыбы ушли на глубину. Потоки грязной воды перехлёстывали через невысокие каменные бордюры и бурными ручьями катились по обе стороны асфальтовой дороги, постепенно затапливая ещё недавно раскалённый, блестящий чёрный битум.

Крупные капли барабанили по натянутой ткани зонта с такой силой, будто с неба сыпал град. Шум воды приглушал все остальные звуки, погружая мир в своеобразную, глухую тишину.

По дороге они снова сцепились. Чэн Лян настойчиво пытался всучить Е Мяню свой улов, рассчитывая обменять три сырые рыбины на одну готовую, с пылу с жару.

Е Мянью наотрез отказывался от сомнительной сделки. Зачем ему лишняя головная боль? У него уже были свои две рыбины плюс три штуки, которые отдал Сяошу. Пяти штук ему одному за глаза хватит на целую неделю.

Однако Чэн Лян мёртвой хваткой вцепился в его рукав, не давая шагу ступить. Он твёрдо вознамерился отведать ухи именно сегодня.

— Вообще-то, это я сдал тебе рыбное место! Мог бы в знак благодарности угостить обедом. Я, если надо, и у плиты постоять могу! — Парень явно намекал на то, что за наводку полагаются комиссионные.

Е Мянью раздражённо рванулся, пытаясь высвободить руку. В пылу потасовки зонт накренился, и на обоих обрушился очередной ушат ледяной воды.

Тут Е Мянью окончательно озверел. Швырнув зонт в грязь, он обеими руками схватил Чэн Ляна за грудки:

— Да ты реально конченный! Отвали от меня!

— Руки убрал, — процедил Чэн Лян.

— Сначала заткнись и веди себя нормально, тогда и отпущу! Рыбы ему захотелось... Шёл бы домой и напрягал домашних, или катился в ресторан! Какого хера ты ко мне привязался?!

Е Мянью был в простой безрукавке без воротника, поэтому Чэн Лян просто сжал его плечи своими ручищами:

— Пусти, говорю. И посмотри на себя — кто из нас тут ещё бычит?

— На счёт три, — предложил Чэн Лян. — Три, два, один.

Они одновременно разжали пальцы, чувствуя себя полными идиотами.

Чэн Лян подобрал грязный зонт, сделал пару шагов и водрузил его над головой Е Мяня:

— Ладно, хорош кулаками махать посреди потопа. Мало того, что ливень стеной, так ещё и час пик скоро. Нас тут любая попутка раскатает к чертям.

Зонт за время потасовки успел нахлебаться воды, и теперь, когда его раскрыли, на головы парней обрушился целый водопад. Впрочем, они и так промокли до нитки, терять было нечего. Е Мянь лишь мысленно поразился непрошибаемому пофигизму своего спутника.

— Ага, раскатает в лепёшку, — буркнул он и прибавил шаг.

Ноги сами несли его в сторону дома — это было ближайшее сухое место. Если они продолжат торчать на улице в таком виде, завтра оба слягут с лихорадкой.

— Надо же, оценил мой тонкий юмор, — ухмыльнулся Чэн Лян, шагая следом.

— Хрен там я оценил, — отозвался Е Мянь.

Сяошу тихо трусил рядом. Когда эти двое начинали лаяться или распускать руки, он предпочитал не отвечать — золотое правило выживания. Со стороны было предельно ясно: встречать в их разборки бесполезно, сами перебесятся и быстрее найдут общий язык.

Переступив порог своей квартиры, Е Мянь скомандовал:

— Обувь и носки снимайте прямо у порога.

Чэн Лян покорно опустил голову. С его мокрых волос градом катились капли, мгновенно образовав на чистом паркете прихожей приличную лужу.

Е Мянь обернулся и напустился на него:

— Ты чего застыл, как истукан? Жрёшь глазами прихожую? Закрой дверь, сквозняк нагонишь!

— Да нет, — покачал головой Чэн Лян. — Просто думаю, может, мне прямо здесь раздеться, чтобы не наследить?

Он вскинул голову и обезоруживающе улыбнулся. В этот момент крупная капля сорвалась с чёлки прямо ему в глаз. Парень зажмурился, проморгался, отчего его взгляд затуманился влагой, а уголки глаз слегка порозовели. Вид у него сейчас был на редкость беззащитный.

Симпатичное лицо, ямочки на щеках, ровные белые зубы... Настоящий пай-мальчик, сошедший со страниц молодёжного журнала, а не уличный хулиган.

«Чертовщина какая-то», — мысленно выругался Е Мян, поймав себя на том, что беззастенчиво залип на приятеля добрых пять секунд. Внешность Чэн Ляна была до ужаса обманчивой. Этот парень в драке превращался в безжалостного зверя, крушащего всё на своём пути. Какое, к чёрту, «солнышко»? Всё дело в этих дурацких ямочках на щеках, которые сбивали людей с толку. На самом же деле он был настоящим хозяином уличных банд, грозным авторитетом — короче говоря, «далао», как уважительно величал его Сяошу.

Видеть сурового лидера с такими милыми ямочками было... до тошноты странно.

— Делай что хочешь, хоть трусы снимай, — буркнул Е Мян, отводя взгляд.

Чэн Лян прикинул шансы и всё же решил остаться в одежде.

— Ладно, обойдусь без стриптиза. Одолжишь душ?

В квартире было два санузла. Е Мян отправил гостя в гостевую ванную в коридоре, а сам пошёл мыться к себе в спальню.

— В шкафчике под раковиной лежат чистые белые полотенца. Нераспечатанные, — крикнул он на ходу.

— Понял, спасибо, — донеслось в ответ.

Сяошу пострадал меньше всех — под своим новеньким зонтом он ухитрился остаться почти сухим. Тем не менее Е Мян выдал ему пушистое полотенце, чтобы тот обтёрся.

Встал резонный вопрос: Чэн Лян залез в душ, а его вещи промокли насквозь. Надевать грязное и сырое обратно — безумие, но делиться собственной домашней одеждой Е Мян отчаянно не хотелось.

Покопавшись в недрах платяного шкафа, он вытащил со дна старую дорожную сумку. Переведя дух, Е Мян стянул с себя мокрую, прилипшую к телу футболку, бросив её прямо на пол.

Потерев виски, он извлёк из сумки свой прошлогодний спальный комплект. Сам он его носить уже точно не станет, так что пускай Чэн Лян забирает — на один вечер сойдёт.

Е Мян постучал в гостевую ванную. Дверь приоткрылась, явив Чэн Ляна с намотанным на бёдра полотенцем. Его крепкий, рельефный торс лоснился от влаги. Парень небрежным жестом зачесал назад мокрые волосы, с которых на лицо летели брызги:

— Что, решил составить компанию? — ухмыльнулся он.

Е Мяннь окинул его оценивающим взглядом сверху вниз и невозмутимо протянул стопку вещей:

— Шмотки держи. Походишь пока в этом.

Развернувшись, чтобы уйти, он как бы между прочим бросил:

— Кстати, фигура у тебя так себе.

Чэн Лян удивлённо приподнял бровь:

— Так себе? Серьёзно?

— Ничего выдающегося, — отрезал Е Мяннь и захлопнул дверь.

Вернувшись в свою спальню, он забрался под душ, выкрутив кран горячей воды на максимум. Е Мяннь остервенело тёр мочалкой замёрзшую кожу, пока та не порозовела. Тепло медленно разливалось по телу, прогоняя остатки озноба. Скользнув ладонью по собственному животу, он вдруг замер. Перед глазами невольно всплыл силуэт Чэн Ляна — чётко очерченные кубики пресса, уходящие под полотенце линии паха... Чёрт, у этого гада действительно было шикарное тело.

«Какого хера я стою под душем и пускаю слюни на чужого мужика?» — мысленно выругался Е Мяннь, косясь на собственное достоинство. Если оно сейчас решит отреагировать на эти дурацкие мысли, то ему пора прямиком в дурку.

Он хорошенько прогрелся, пока ванная комната не заполнилась густым паром. Наспех вытеревшись пушистым полотенцем, парень быстро натянул сухую домашнюю одежду и вышел наружу.

Шлёпая чёрными сланцами по коридору, он вернулся в гостиную. Гости уже нашли в прихожей сменную обувь и теперь вольготно устроились на диване.

Чэн Лян, облачённый в явно тесноватую ему пижаму Е Мяння, полулежал на подушках. При виде хозяина квартиры его глаза довольно блеснули, хотя сам он даже пальцем не пошевелил, лишь простонал умирающим голосом:

— Жрать охота — помираю... Ну что, замутим рыбку?

Это было уже третье напоминание за последний час. Е Мяннь молча подошёл к дивану и

бесцеремонно пнул наглеца по ноге:

— Кончай притворяться трупом. Живо вставай, ты обещал помогать на кухне.

Вспомнив, что оставил телефон в спальне, он махнул рукой:

— А, ладно, валяйся пока. Жди меня здесь.

Забрав смартфон, на котором всё ещё висело открытое приложение банка, Е Мянью вернулся в гостиную. Чэн Лян сидел всё в той же расслабленной позе, широко раскинув ноги и закинув руки на спинку дивана, с неизменной лукавой усмешкой на лице.

Помня, что в тумбе под телевизором должна лежать старая зарядка, Е Мянью присел на корточки и принялся рыться на полках. Рядом со шнуром обнаружился его старый телефон — экран был разбит вдребезги после одного из прошлых приступов злости, так что аппарат давно превратился в бесполезный кирпич. А вот кабель и блок питания оказались вполне рабочими.

— Держи зарядку, — бросил он Чэн Ляну. — Значит так: если согласен на банальную яичницу с помидорами, приготовлю бесплатно. Но если хочешь рыбу — сразу предупреждаю: я её никогда в жизни не готовил. Так что с тебя помощь на кухне и плата по тарифу.

Мокрая одежда Чэн Ляна осталась в ванной, а телефон так и лежал в кармане брюк.

— Однозначно рыба. Сколько с меня?

— Сто двадцать юаней. Двадцать из них — долг за аренду снастей и зонтик.

Сун Сяошу несмело поднял руку:

— Брат Мянью, а мне во сколько обойдётся обед?

Е Мянью, уже собиравшийся тащить ведро на кухню, окинул бедолагу взглядом. Сун Сяошу был настолько щуплым, что даже самый маленький размер пижамы висел на нём мешком. Его худые щёки ввалились, резко очертив скулы, но большие, ясные глаза под густыми тёмными бровями лишали его лицо всякой угрюмости. Обычный простоватый парень. Из-за этого вечно удивлённого взгляда он постоянно казался немного придурковатым.

Скрываясь за кухонной дверью с ведром в руке, Е Мянью фыркнул:

— С тебя ни копейки. Тебя даже с доплатой никто не возьмёт.

Он выудил из ведра три рыбины, а оставшиеся пять уложил в контейнер и убрал в морозилку. Готовить речную рыбу Е Мянью действительно не приходилось, поэтому он полез в интернет за рецептами. Поиски его быстро утомили: в сети было слишком много вариантов, и каждый кулинарный блогер гнул свою линию. «Надо будет купить нормальную поваренную книгу, — подумал он, — чтобы был один чёткий рецепт и никаких мук выбора».

— Помощники, живо на кухню! — крикнул он, выкладывая на стол упругие томаты, пучок зелёного лука и пару корешков имбиря. Не одному же ему отдуваться.

На зов тут же прибежал Сяошу:

— Брат Мянью, командуй! Что делать?

— Помой овощи и зелень, — скомандовал Е Мянью. — И займись рыбой: нужно выпотрошить, счистить чешую и удалить жабры... погоди, а где этот наглец? Почему ты один?

Сяошу набрал в тазик воды и послушно принялся за работу:

— А, далао сказал, что ему надо высушить голову, а то волосы мокрые. Я пока рыбу почищу.

Чистить рыбу — дело грязное и муторное, поэтому Сяошу рассудил, что лучше взять этот крест на себя, а гостю оставить работу полегче.

Е Мянью, взъерошив собственные влажные волосы, вышел в гостиную. Чэн Лян стоял у розетки у стены и усердно сушил шевелюру феном. Е Мянью бесшумно подошёл к нему со спины, намереваясь в шутку дёрнуть за отросшие пряди.

Услышав шаги, Чэн Лян выключил фен и обернулся:

— Что, соскучился? Хочешь сам меня причесать?

Е Мянью невольно подумал, что с каждой минутой этот парень вел себя всё наглее. Так и подмывало съездить ему по физиономии.

— Находить чужие вещи ты, я смотрю, мастер, — язвительно заметил он.

Чэн Лян небрежно кивнул в сторону тумбы под телевизором:

— Фен лежал в том же ящике. Я заметил его, когда ты рылся в поисках провода.

— И мне теперь похлопать твоей наблюдательности?

Чэн Лян лишь усмехнулся.

— Хватит сушить, и так сойдёт, — Е Мянъ бесцеремонно отобрал у него прибор. — Иди на кухню и помоги Сяошу с рыбой. Почистите её как следует, иначе уха будет вонять тиной.

Чэн Лян взъерошил пятернёй макушку — волосы действительно почти высохли. Для парней «почти сухие» означало, что вода больше не течёт за шиворот. Оба отличались отменным здоровьем и простудиться из-за какого-то летнего ливня не боялись.

Разделка рыбы — процесс деликатный. Когда через пару минут Е Мянъ заглянул на кухню, он едва не лишился дара речи от увиденного хаоса.

Сам он белоручкой никогда не был и элементарные бытовые навыки имел, но эти двое превзошли все мыслимые пределы глупости. Они умудрились превратить чистку рыбы в стихийное бедствие. Сяошу со слезами на глазах в ужасе уставился на бьющуюся в раковине тушку:

— Брат Мянъ, спаси! Она шевелится!

Е Мянъ ловко перехватил выскользнувшую рыбку, которая уже всю прыгала по полу:

— Живая рыба имеет обыкновение двигаться, придурок. Шлёпни её об пол или приложись обухом топора по башке, чтобы затихла. На крайний случай — просто прирежь, сразу дёргаться перестанет. Принеси ещё один таз с водой... А, ладно, проваливай отсюда. Только под ногами путаешься и глаза мозолишь.

Оставшись вдвоём, Е Мянъ быстро разделал первую тушку и протянул её Чэн Ляну, который застыл перед разделочной доской с тяжёлым поварским ножом в руке, напоминая палача на плахе.

— Шинковать-то умеешь? — с подозрением спросил Е Мянъ.

Вместо ответа Чэн Лян сделал пару пробных взмахов ножом в воздухе, после чего ловко прижал рыбу к доске. Короткие рукава пижамы не мешали движениям, так что закатывать их не пришлось.

Надо признать, когда Чэн Лян брался за дело с уверенным видом, у него действительно всё спорилось. Он быстро и аккуратно нарезал филе на ровные порционные кусочки, сложил их в глубокую миску, после чего щедро засыпал солью, острым перцем и специями.

— Кулинарное вино и крахмал найдутся? — деловито спросил он.

— Да, в верхнем шкафчике слева, — отозвался Е Мянью.

— Отлично. Тогда приготовим острую рыбу в масле, по-сычуаньски.

Чэн Лян уверенно орудовал на кухне. Тщательно перемешав рыбу с маринадом, он отставил миску в сторону:

— Пусть постоит минут пятнадцать.

Он ополоснул руки под краном и принялся — ладони всё ещё пахли тинной. Оглядевшись по сторонам и не найдя обычного мыла, он вспомнил, что в ванной оставался кусок туалетного.

Когда он вернулся, Е Мянью уже успел нарезать томаты с имбирём и теперь увлечённо шинковал перья зелёного лука.

Чэн Лян застыл в дверном проёме, молча наблюдая за ним. Е Мянью стоял, слегка наклонившись над столом. Подол его футболки задрался, обнажая узкую полоску кожи на пояснице — ослепительно белой, словно фарфор.

— Чего уставился? — Е Мянью смахнул ножом последнюю горсть лука в пиалу и обернулся к гостю. — Судя по твоим уверенным движениям, у плиты ты стоять умеешь. То-то я смотрю, ты так настойчиво требовал рыбу, даже не боясь, что я тебя отравить могу. Оказывается, сам готовить вызвался.

— К слову, я там вещи наши в стирку закинул, — как бы невзначай обронил Чэн Лян. — Твою мокрую одежду и мою заодно.

Е Мянью округлил глаза от удивления:

— Стирать? Ты умеешь пользоваться стиральной машиной?

Тот неловко кашлянул и поспешно подошёл к столу, чтобы проверить маринад:

— Ну... стиралка-то автомат, ума много не надо.

— А, ясно, — протянул Е Мянью.